

ЗАМЕТКИ О РАННЕСЛАВЯНСКОЙ ЭТНОНИМИИ (СЛАВЯНЕ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н.Э.)

М.И. Жих

Жих Максим
Иванович —
заместитель
главного
редактора
Международного
научного журнала
"Исторический
формат".

Zhikh Maksim
Ivanovich — the
deputy editor of
the International
Scientific Journal
"Historical format".

Авторское резюме

В работе сделана попытка выяснить, опираясь на письменные источники, вопрос о том, как именовали себя носители именьковской археологической культуры, ядро которых составляли славяне, существовавшей в Среднем Поволжье в IV-VII вв. Именьковский ареал занимал значительные пространства, соответственно, разные группы именьковского населения могли иметь разные имена. На основе арабских и хазарских источников можно сделать вывод, что какие-то группы «именьковцев» могли называться *словенами* и *северянами*.

Ключевые слова: этнонимия, славяне, Среднее Поволжье, именьковская культура, северяне, Русь.

Проблема определения *самоназваний* дописьменных социумов является одной из самых сложных в изучении древней и раннесредневековой истории. Решаться она может двумя путями. Во-первых, установлением, если это возможно, преемственной связи археологических культур, этническая

принадлежность и наименование носителей которых нам неизвестны с культурами, для которых соответствующие данные могут быть установлены по письменным источникам (внешним или внутренним). Во-вторых, анализом письменных источников соседних развитых цивилизаций, если, разумеется, данное бесписьменное общество попало в их поле зрения. Именно последний путь является наиболее надежным, так как этническая номинация — вещь изменчивая и даже установив связь некоей «анонимной» археологической культуры с культурой, имя носителей которой нам известно, мы не можем быть уверены, что носители первой именовали себя также, как и их потомки.

В настоящей работе мы попытаемся выяснить с опорой, прежде всего на письменные источники, вопрос о том, как именовали себя носители именьковской археологической культуры, существовавшей в Среднем Поволжье в IV-VII вв. (об именьковской культуре см.: Старостин 1967; 1986; Матвеева 1997; 2004; Седов 1994а: 49-65; 2002: 245-255; Кляшторный, Старостин 2002; Сташенков 2005; Вязов 2011; Богачев 2011: 72-137).

К счастью, данный регион во второй половине I тыс. н.э. оказался в поле зрения арабов и Хазарского каганата. Соответственно, в арабских и хазарских источниках оказались известия, повествующие о неких «ас-сакалиба» — славянах, проживающих в Среднем Поволжье, в которых можно видеть только «именьковцев» и их потомков. Эти известия стали в последнее время объектом пристального научного анализа (Кляшторный 1964; 2005; Седов 1995: 196-197; 2002: 254-255; Галкина 2006: 380-382; 2006а: 339-345; 2014; Жих 2011: 121-138; 2011а; 2013) и подтвердили позицию тех археологов, которые отстаивают славянскую этническую атрибуцию как минимум существенной части именьковского населения (Смирнов 1962: 161-165; Матвеева 1988; 2004: 74-78; Седов 1994: 315; 1994а: 58-65; 1995: 193-197; 1999: 59-62; 2002: 252-255; Кляшторный, Старостин 2002; Богачев 2011: 72-137). Есть ли среди этих известий сведения, которые помогли бы проникнуть за современный научный термин «именьковцы» и понять, как именовали себя славяне, жившие в середине — второй половине I тыс. н.э. в Среднем Поволжье? Попробуем найти ответ на этот вопрос.

Попытки установить самоназвание «именьковцев» предпринимались в науке трижды. Рассмотрим подробно эти три опыта и предпримем их всестороннюю проверку, дабы попытаться ответить на вопрос: может ли современная наука определить самоназвание(я) именьковского населения и услышать живой голос первых славян Среднего Поволжья?

В 1995-м году В.В. Седов высказал предположение, что самоназванием «именьковцев» было имя *северяне* (Седов 1995: 197). Данная гипотеза была прямым следствием разрабатываемого археологом вывода о генетической связи именьковской археологической культуры с волынцевской, существовавшей на Левобережье Днепра в VIII – начале IX вв., славянская принадлежность которой не вызывает сомнений.

Первое сопоставление памятников именьковской и волынцевской культур было предпринято А.П. Смирновым (Смирнов 1962). По словам учёного «данный могильник (Рождественский могильник именьковской культуры – М.Ж.) стоит одиноко среди памятников Среднего Поволжья и Прикамья, на что обратил внимание его исследователь В.Ф. Генинг... Рождественский могильник грунтовой, без признаков могильных насыпей. Для него характерны неглубокие ямы небольшого размера, приготовленные только для захоронения остатков кремированных трупов. Остатки сожженного трупа помещались в специально вырытые ямки. Инвентарь погребения составляли сосуды и украшения. Если обратиться к аналогиям, то, пожалуй, наиболее близкой окажется бескурганый могильник, исследованный Д.Т. Березовцом близ с. Волынцево Сумской области, где исследователь установил, что покойников сжигали на стороне, а урны с прахом закапывали на могильнике... Приведенные соображения заставляют датировать памятник VI-VIII вв. и отнести его к бурной эпохе прихода болгар в Поволжье. Он (Рождественский могильник – М.Ж.) принадлежит племенам лесостепи, известным нам по Волынцевскому могильнику, который большинством исследователей приписывается древним славянам» (Смирнов 1962: 162-165).

А.П. Смирнов произвел детальное сопоставление глиняной посуды и погребальной обрядности Рождественского могильника именьковской культуры¹ с соответствующими

¹ Сам А.П. Смирнов, правда, датировал именьковскую культуру IV-V вв. и считал ее финно-угорской, а Рождественский могильник он относил к

материалами славянских Волынцевского поселения и могильника, показавшее их соответствие. Это был революционный для науки того времени вывод, так как впервые на основе археологических данных был поставлен вопрос о проживании в Среднем Поволжье значительного славянского массива. Ранее он ставился учеными только на основании данных письменных источников (Гаркави 1870; Кляшторный 1964).

В дальнейшем выяснилось, что именьковская культура не имеет местных корней и толчком к ее формированию стала миграция (или миграции) населения с запада – из ареала культур полей погребений (зарубинецкой и развившейся из нее киевской, пшеворской и черняховской), в рамках которых, при различии взглядов по ряду конкретных вопросов, большинство археологов-славистов ищет предков исторических славян (Славяне 1993). По наиболее обоснованным выводам, на рубеже эр и в первые века н.э. предки исторических славян были основой зарубинецкого и киевского населения (Третьяков 1982)², в рамках пшеворской культуры праславяне занимали ее висленский и верхнеднепровский регионы³, в черняховской культуре с праславянами связан преимущественно район Верхнего Поднестровья (Баран 1981; 1983; 1988; Баран, Гопкало 2005; Седов 1994: 270; 2002: 186-187) и, возможно, частично также подольско-днепровский регион (Седов 1994: 270-277 и сл.; 2002: 186-191 и сл.).

более позднему времени (VI-VIII вв.) и считал его независимым по отношению к ней памятником, связанным с миграцией в Среднее Поволжье славян с Левобережья Днепра. Ныне принадлежность Рождественского могильника к именьковской культуре не вызывает сомнений. И наблюдения А.П. Смирнова являются важным аргументом в пользу славянской этнической атрибуции как минимум части её носителей и их связи со славянами Днепровского Левобережья.

² Намеченная П.Н. Третьяковым линия развития от зарубинецких памятников через позднезарубинецкие древности к киевской культуре, а от нее - к пеньковской и колочинской культурам нашла поддержку ряда археологов (Е.А. Горюнов, Р.В. Терпиловский, О.М. Приходнюк, А.М. Обломский и т.д.) и к настоящему времени основательно разработана.

³ Проблема выделения славян в рамках полиэтничной пшеворской культуры исследована в ряде работ И.П. Русановой и В.В. Седова: Русанова 1976: 201-215; 1990; Седов В.В. 1994: 166-200; 2002: 97-125. Итоги исследований праславянских пшеворских памятников верховий Днестра подведены в монографии Д.Н. Козака: Козак 2008.

Именно выходцы из этих регионов и сыграли решающую роль в становлении именьковской культуры (Матвеева 1981; 1986; 1988; 2004: 65-74; Седов 1994: 309-311; 2002: 245-249; Богачев 2011: 47-61, 72-78).

Учитывая то, что к сложению именьковской культуры привел целый ряд миграций из ареала культур полей погребений (преимущественно из районов, связываемых с предками исторических славян) и то, что в ее сложении приняло активное участие местное население (финно-угорское, иранское и т.д.), вполне обоснованной выглядит гипотеза Д.А. Сташенкова о гетерогенности населения именьковской культуры (Сташенков 2005; 2006). Это позволяет предполагать, что разные группы «именьковцев» могли иметь разные имена, восходящие к тем названиям, которые они имели на «прародине».

Наблюдения А.П. Смирнова о близости именьковских материалов и славянских памятников Днепроовского Левобережья нашли свое законченное воплощение в работах В.В. Седова, как бы «развернувшего» выводы А.П. Смирнова и выступившего с обоснованием тезиса о том, что не славяне с Днепроовского Левобережья мигрировали в Среднее Поволжье, а напротив, «именьковцы» в конце VII в. ушли в район Левобережья Днепра, где стали основой населения волынцевской культуры (Седов 1994: 315; 1994а: 59-63; 1995: 193-194). Исследование В.В. Седова показало, что волынцевские традиции являются продолжением именьковских в:

- Фактуре теста, технологии производства глиняной посуды и в ее формах (сопоставимы именьковские и волынцевские горшки с цилиндрическим венчиком и высокими плечиками, миски, сковородки), а также в орнаментации сосудов (для обеих культур единственным орнаментом оказываются пальцевые вдавления по венчику);
- Устройстве жилищ и ям-кладовок;
- Погребальном обряде: для обеих культур характерны грунтовые могильники с захоронениями по обряду трупосожжения на стороне;
- Экономической жизни: «именьковцы» и «волынцевцы» использовали одни и те же сельскохозяйственные орудия, культивировали одни и те же растения, выращивали одних и

тех же животных, одинаковой была у них доля животноводства и охоты в хозяйственной жизни (Седов 1995: 194).

Выводы В.В. Седова о генетической связи именьковской и волынцевской культур были поддержаны частью исследователей (см. например: Приходнюк 1998: 75-76; Матвеева 2004: 77), в то же время существует и ряд других гипотез об истоках волынцевского населения: автохтонная (О.В. Сухобоков), луки-райковецкая (А.М. Обломский), дунайская (А.В. Григорьев, О.А. Щеглова) и ныне вопрос о генезисе волынцевской культуры остаётся до конца нерешённым. Тем не менее, ряд фактов указывает на лучшую обоснованность «именьковской гипотезы» генезиса волынцевца относительно других.

Гипотеза А.М. Обломского и его соавторов о формировании волынцевской культуры в результате миграции населения с Правобережья Днепра, из ареала пражской и сменившей её луки-райковецкой культур (Гавритухин, Обломский 1996: 133, 144-147; Обломский, Родникова 2014), была подвергнута В.В. Седовым аргументированной критике: «Свое видение исторических событий, имевших место в конце VII в. при становлении волынцевской культуры, недавно изложили И.О. Гавритухин и А.М. Обломский (Гавритухин, Обломский 1996: 133, 144-147). Исследователи полностью согласны с тем, что сложение этой культуры было обусловлено экспансией в Днепровское левобережье новых масс славянского населения, но полагают, что миграция исходила из каких-то более западных областей. При этом верхушка прежнего (пеньковско-колочинского) населения в результате столкновений погибла (обилие невостробованных кладов в волынцевском ареале), а оставшиеся группы смешались с пришельцами. Мысль о западном происхождении пришлого населения покоится исключительно на распространении в южной части волынцевской культуры глиняных печей. Но таким образом можно было бы еще решить вопрос о происхождении отопительных устройств волынцевских жилых построек, но никак не проблему происхождения всей культуры, которая требует анализа всего комплекса составляющих ее элементов. Вопрос об истоках глиняных печей волынцевской культуры решается И.О. Гавритухиным и А.М. Обломским довольно поверхностно. Действительно, подобные печи выявлены на поселениях второй половины V-VI вв. в верховьях Западного

Буга, Сана и Горыни. Но в следующих столетиях они здесь выходят из употребления; по-видимому, на их основе формируются круглые глинобитные печи, которые никак не могли быть прототипами волынцевских глиняных печей. На основной части Правобережной Украины и в Молдавии и в V-VII вв., и позднее господствовали печи-каменки (Раппопорт 1975). Глиняные печи, наряду с другими типами отопительных устройств, выявлены на поселениях VIII-IX вв. Киевщины и Каневщины. Но это ведь ареал волынцевской культуры» (Седов 1999: 84. Примеч. 72).

Именьковская культура не погибла в результате вражеского нашествия, большая часть «именьковцев» просто покинула родные места, по всей видимости, из-за приближающихся тюрок (Седов 2002: 253-254; Матвеева 2004: 77-78; Богачев 2011: 81-82). Соответственно, где-то эти мигранты должны обнаружиться.

Крайне важным является то обстоятельство, что для волынцевской культуры были характерны исключительно бескурганные могильники, в то время как на Правобережье Днепра уже с VI-VII вв. получил широкое распространение курганный обряд погребения, доля которого непрерывно возрастала. Таким образом, бескурганный погребальный обряд «волынцевцев» никак не мог быть принесён с правобережья, зато он находит очевидную параллель в именьковской бескурганной обрядности (о волынцевской культуре см.: Сухобоков 1975: 49-57; 1992: 16-36; Юренко 1985; Седов 1995: 186-208; 1999: 50-62; 2002: 255-266; Гавритухин, Обломский 1996: 130-135).

Налицо и серьезные различия между волынцевской культурой и синхронной ей славянской культурой Днепроовского Правобережья типа Луки-Райковецкой. Уровень волынцевской культуры был выше в ряде отношений. Достаточно сказать, что «волынцевцы» знали гончарный круг, а их правобережные соседи – нет. Он появился у них только в конце IX в. (Авдусин 1980: 29; Седов 1999: 45-46). Первая гончарная керамика, выявленная на правобережье в районе Киева и относящаяся к IX веку, связана с проникновением сюда волынцевской культуры (Моця 1987: 106-107).

Жители Днепроовского Левобережья VIII-X вв., носители волынцевской и развившейся из нее роменской культуры,

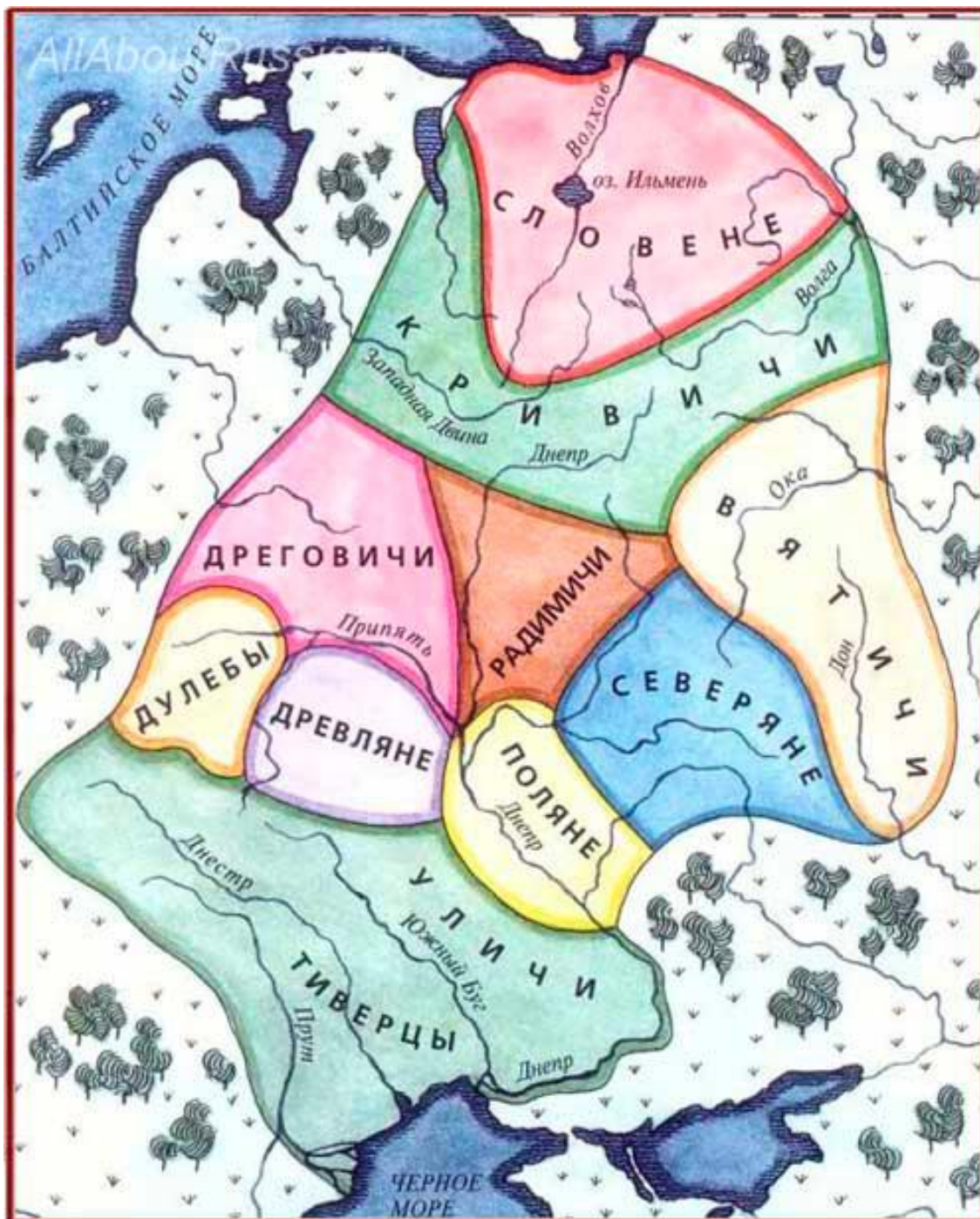
именовались, как мы хорошо знаем из летописей, *север*, *северо* (ПСРЛ. I: 6, 10, 13, 19, 29, 148; ПСРЛ. II: 5, 8, 14, 17, 21, 135, 136) или *северяне* (ПСРЛ. I: 24; 149; ПСРЛ. II: 136). По их имени район бассейнов Десны и Сейма получил имя *Севера/Север/Северская земля/Severia* сохранявшееся вплоть до XVI-XVII вв. (Рыбаков 1974: 82, 83. Карты 12, 13, 196). С ними же связаны такие названия как Новгород-Северский и Северский Донец. В свете работ В.В. Седова вполне логично, что и их вероятные предки, «именьковцы», именовались аналогичным образом. Существует несколько объяснений происхождения этого этнонима.

По мнению ряда ученых, имя *северяне* связано со страной света и *север* осмысляется как «северяне», «северное племя». Историческое обоснование этой этимологии дал М. Фасмер, по мнению которого «до того, как восточные славяне распространились через Белоруссию до Новгорода, северяне были самым северным у них племенем» (Фасмер 1971: 589). В.В. Иванов и В.Н. Топоров указали на ее уязвимость (Иванов, Топоров 2000: 428), отметив, что нет надежных данных, которые бы свидетельствовали, что для летописца *северяне* мыслились как «северные жители» (кроме одного известия, о котором ниже будет сказано), а также указали на проблемы этимологизации данного слова на славянской языковой почве (Иванов, Топоров 2000: 428). Сами ученые связали этот этноним с индо-иранским *saṃva-*, имеющим различные пространственные значения, конкретизирующиеся в зависимости от местных условий, предположив, что оно было переведено на славянский язык с помощью слова **sěverъ* (*северяне* были северными соседями ираноязычных народов) (Иванов, Топоров 2000: 428-429).

Распространенной иранской этимологией этнонима *север/северяне* является объяснение его из иранского **seu, *sew-* ‘черный’⁴, подкрепляемое тем, что в зоне расселения северян есть несколько гидронимов, образованных от того же апеллятива (реки Сев, Сава и т.д.: Топоров, Трубачев 1962: 226). В рамках данной этимологии этноним *север* может быть истолкован в контексте характерной для

⁴ Яйленко 1986: 112-113. Автор считает, что этноним балканских *северян* имеет другое происхождение: местное романизированное население называло нахлынувших северных варваров-славян *Severi* - «дикие», «страшные» (так названы славяне в хронике Феофана под 679 годом).

кочевых народов «цветовой символики» географического ориентирования, в рамках которой черный цвет был традиционно связан с севером (Майоров 2006: 31-36). Именно она кажется наиболее убедительной и В.В. Седову (Седов 1995: 197; 1999: 80).

Карта 1. Северяне и их соседи

По мнению учёного имя *север/северяне* было усвоено славянами в период их активного взаимодействия с ираноязычным населением Северного Причерноморья в первые века н.э. (Седов 1994: 233-286; 2002: 150-198). Затем, в условиях гуннского нашествия *северяне* ушли в Среднее Поволжье, став частью именьковского населения, а в конце VII – начале VIII вв. пришли в район Днепровского Левобережья в виде исторических летописных *северян* (Седов 1995: 197).

Новую славянскую этимологию этнонима *северяне* предложил З. Голомб, производя его от гипотетического **sěvo*– < и.-е. **koiuo*- ‘член семьи’ при собирательном **sěverъ* типа *četvero* (Gołab 1984: 9), что было отвергнуто О.Н. Трубачевым, вернувшись к «географической» этимологии. Ученый вывел форму **sěver⁽ⁱ⁾ane* от названия страны света **sěver*, *север* (Трубачев 2002: 386). На наш взгляд эта этимология хорошо обоснована ученым и на данный момент является наиболее убедительной. Что же касается видимого отсутствия четко выраженного в летописи понимания *северян* как «жителей севера», то соответствующий изначальный смысл их названия мог уже утратить свое прямое значение, а ситуация, в которой он возник, нам неизвестна.

Интересные соображения высказал А.П. Непокупный, по словам которого «название *северяне* относится к самым древним наименованиям славянских племен, повторяется оно и на Балканах – в Мизии VII в. (территория Болгарии), где был зафиксирован этноним Σεβέρεις. Интересно, что, несмотря на наличие еще трех сторон света и их названий – юг, восток, запад, ни одна из них не используется славянами для наименования остальных своих племен. Северная ориентация в древнеславянском процессе номинации кажется нам особенно выразительной и важной, если обратиться к балтийской этнонимии», в которой лингвист находит параллель к имени *северян* – область *Земгале* («северный край») в Латвии (Непокупный 1979: 40-41).

В.В. Седов привел в пользу гипотезы об «именьковцах»-*северянах* формально-логические основания, построенные на археологической ретроспекции. Есть ли какие-то данные в источниках, которые могли бы подтвердить его и явиться в таком случае независимым свидетельством достоверности

этногенетической истории *северян*, намеченной им? К сожалению, сам ученый не задался этим вопросом.

В Повести временных лет есть одно загадочное место: «кривичи же седять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днепра. Ихже градъ есть Смоленскъ. Туда бо седять Кривичи. *Также Северъ от нихъ* (выделено мной – М.Ж.)» (ПСРЛ. I: 10; ПСРЛ. II: 8). Это единственное место, в котором летописец говорит о происхождении *северян*. И выводит он их с севера – из обширной области *кривичей*⁵. Между тем никаких археологических данных, которые свидетельствовали бы о происхождении *северян* от *кривичей* не существует. Но не являются ли эти слова смутным воспоминанием о некоей северной прародине *северян* и их приходе оттуда? Тем более, что летописные *кривичи* занимали и район верховьев Волги, на берегах которой, вероятно, находилась прародина «волынцевцев»-*северян*? К моменту начала древнерусского летописания у населения Днепровского Левобережья скорее всего сохранялись лишь смутные предания об исходе из некоей северной «прародины» на Волге, точная локализация коей, возможно, была уже забыта, которые и послужили основой загадочной летописной сентенции.

Есть одно прямое известие, позволяющее говорить о том, что «именьковцы», или какая-то их часть, могли именоваться *северянами*. В пространной редакции письма хазарского царя Иосифа, адресованного испанскому еврею Хасдаи ибн Шафруту⁶, имеется перечисление народов, живущих вдоль волжских берегов: «У (этой) реки (Атил (Волга) – М.Ж.) расположены многочисленные народы... Вот их имена: *Бур.т.с, Бул.г.р, С.вар, Арису, Ц.р.мис, В.н.н.тит, С.в.р, С.л.виюн*. Каждый народ не поддается (точному) расследованию и им нет числа. Все они мне служат и платят дань», после чего «граница поворачивает по пути к Хуварезму (Хорезму – М.Ж.)» (Коковцов

⁵ Это уже было подмечено В.В. Ивановым и В.Н. Топоровым: Иванов, Топоров 2000: 428. Примеч. 41.

⁶ Данное письмо является единственным письменным памятником, в котором имеется систематическое описание территорий, подвластных хазарам, однако оно является достаточно сложным источником, так как отражает не столько реальные владения Хазарии, сколько с одной стороны представления о них хазарской элиты, а с другой является документом, написанным с вполне определенными политическими целями, связанными со стремлением Иосифа сформировать у своего адресата нужные представления о Хазарии и ее границах (Галкина 2006; 2006а: 328-353).

1932: 98). В краткой редакции перечисления поволжских народов нет, сказано просто про «девять народов, которые не поддаются точному распознаению и которым нет числа» (Коковцов 1932: 81).

Об упоминаемом последним народе *С.л.виюн* речь пойдет впереди. Идентификация большинства других упоминаемых Иосифом народов не вызывает особых проблем: *Бур.т.с* – это буртасы, *Бул.г.р* – волжские болгары, *Ц.р.мис* – черемисы, *Арису* – эрзя или удмурты. *В.н.н.тит*, как показала исследовавшая этнонимиию письма Иосифа Е.С. Галкина, вопреки распространенному мнению, не вятичи, так как в этом случае никак невозможно было бы сочетание подряд двух букв *нун* в этом этнониме, так как означает оно не удвоение, а присутствие между ними краткой гласной. Логичнее сопоставить этот народ с упоминаемым в начале письма Иосифа этносом *В.н.н.т.р* и отождествлять его с унногундурами (оногурами), которых знает на Средней Волге и автор анонимного географического трактата «Худуд ал-алам». Унногундуры в числе ряда тюркских племен юго-востока Европы мигрировали в Поволжье в конце VIII века (Галкина 2006: 379-380; 2006а: 336-339).

Интересны два почти идентичных этнонима: *С.вар* и *С.в.р.* (*Суур*). Обычно под одним из них понимают сувар, также откочевавших в конце VIII века в Поволжье, а под другим – восточнославянских *северян*, но источник не дает для этого никаких оснований, четко локализуя все перечисленные этносы на волжских берегах. Дабы обойти это препятствие, Е.С. Галкина предположила, что речь здесь идет о двух группах сувар, разделение которых упомянуто у Ибн Фадлана (Галкина 2006: 380; 2006а: 339), что казалось убедительным и мне (Жих 2011: 122; 2011а: 16), однако сейчас, в свете вышесказанного, предпочтительной выглядит другая гипотеза: один из этих двух поволжских этнонимов действительно относится к *северянам*, но не к тем, которые жили на Левобережье Днепра, а к их, если так можно выразиться, средневожским «родственникам», оставшимся на территории «прародины».

Проживание в Среднем Поволжье остатков именковского населения после конца VII в. допускали многие археологи. П.Н. Старостин пришел к соответствующему выводу еще в 60-е гг., находя в болгарской керамике некоторых районов

именьковские черты (Старостин 1967: 31-32). Не изменил своего мнения ученый и в последних работах, солидаризируясь с позицией С.Г. Кляшторного, пришедшего к таким же выводам на основе данных письменных источников (Кляшторный, Старостин 2002). О проживании славян в Среднем Поволжье постименьковского времени писал А.П. Смирнов (Смирнов 1962: 166-168).

О сохранении групп именьковского населения вплоть до болгарского времени и об участии потомков «именьковцев» в этногенезе болгар говорит Г.И. Матвеева, подчеркивая, что границы Волжской Болгарии совпадают примерно с границами именьковской культуры (Матвеева 2004: 77-79). Полностью поддержал соответствующие ее и других ученых выводы В.В. Седов, отметивший важную роль потомков именьковских племён в оседании болгар на землю, в развитии земледелия и ремесла в Болгарии (Седов 1995: 195-197; 1999: 60-61; 2001; 2002: 254-255). Допускает проживание потомков «именьковцев» в Поволжье в болгарское время и А.В. Богачев (Богачев 2011: 82).

Если какие-то группы потомков именьковского населения остались в регионе, то они должны были сохранить и свои названия. И таким названием мог быть этноним *север/северяне*.

Подытоживая сказанное, можно констатировать, что в свете упоминания соответствующего этнонима в письме Иосифа, версия В.В. Седова о наименовании какой-то группы именьковского населения *северянами*, вполне правомерна и получила подтверждение, независимое по отношению к ретроспективным археологическим выкладкам ее автора. Удалось выявить свидетельство источника, говорящее о проживании в Среднем Поволжье «лишнего» этноса с таким названием. Объяснение упомянутого Иосифом в Поволжье этнонима *С.в.р.* как *северян* и его связь с какой-то группой потомков именьковского населения является наиболее логичной.

Сам В.В. Седов, однако, через несколько лет отказался от своего предположения о приходе названия *север/северяне* на Днепровское Левобережье с волжских берегов, придя к выводу, что оно сохранялось в местной антской среде и было усвоено пришельцами. Аргументация ученого при этом шла от

разделяемой им иранской этимологии этнонима, ошибочной, по нашему мнению, и была следующей:

— судя по топонимическим и гидронимическим данным на Левобережье Днепра в антской среде иранский компонент был весьма значительным, соответственно логично бытование здесь иранского этнонима;

— длительное сохранение в регионе названий *Север/Севера*, что косвенно свидетельствует в пользу его местных корней (Седов 1999: 80).

Что касается последнего, то учитывая тот факт, что именно пришельцы стали основой сложения новой общности и именно из них, как можно полагать, преимущественно формировалась ее элита, то вполне логично, что именно этноним пришельцев должен был возобладать над этнонимом местного пеньковского населения, которое, судя по совокупности имеющихся в нашем распоряжении данных именовалось *антами* (Приходнюк 1998: 76-77; Седов 2002: 203-222). Данный этноним уже не был известен древнерусским летописцам.

По поводу первого пункта можно заметить, что он имеет малое значение, даже если принимать иранскую этимологию этнонима *северяне*: «именьковцы» вполне могли мигрировать на север, уже испытав иранское влияние. И тем более он не имеет смысла в рамках более предпочтительной славянской этимологии.

Главной причиной отказа В.В. Седова от своей старой гипотезы стало то, что он нашел ей замену, выдвинув на место имени *северяне* этноним *русь*. Он, согласно поздним работам В.В. Седова, проделал все те путешествия, которые ранее исследователь приписывал *северянам*. Опираясь на работы лингвистов — сторонников иранской (Абаев 1973: 435-437) и индоарийской (Трубачев 1993) версий происхождения этого имени, ученый высказал предположение о том, что оно было наряду с другими иранскими этнонимами усвоено славянами в период славяно-иранского этнокультурного симбиоза в рамках черняховской археологической культуры. Затем в ходе гуннского нашествия *русы* мигрировали в Среднее Поволжье, откуда в конце VII — начале VIII в. переместились на юго-запад, став основой волынцевской культуры. Таким образом,

эндоэтнонимом «именьковцев», согласно поздним работам В.В. Седова, было имя *русь*, а волынцевскую археологическую культуру он отождествил с Русским каганатом письменных источников (Седов В.В. 1998; 1999: 50-82; 2002: 255-295).

Ну а поскольку для «именьковцев» нашлось новое предположительное имя, то старое оказалось «лишним» и В.В. Седов как бы разграничил *русь* и *северян*, проживавших в одном регионе: первое было именем пришельцев, а второе — местного населения.

Наиболее весомым аргументом в пользу концепции В.В. Седова об отождествлении Русского каганата письменных источников с волынцевской археологической культурой является установленный им факт совпадения территории *Русской земли* «в узком смысле» (о ней см.: Тихомиров 1979; Насонов 1951: 28-68; Рыбаков 1953; 1982: 56-67; Кучкин 1995), очерченной по летописным данным, с территорией волынцевской археологической культуры (Седов 1999: 77-80; 2002: 269-272). Вполне соответствует источникам и регион, в который помещает Русский каганат В.В. Седов — древнейшие из них локализуют его на юго-востоке Европы (Рыбаков 1982: 172-234; Галкина 2002: 63-138; 2006: 202-270). Только там его можно помещать и в связи с титулованием правителя этой политики «каганом», титулом, считавшимся наивысшим у народов евразийских степей: только в этом регионе были понятны его смысл и значение. В этой связи локализации Русского каганата где-то на севере (на о. Рюген, в Скандинавии, в Ладогe, на Городище, в Верхнем Поволжье и т.д.), безосновательны — титул «кагана» просто не мог там закрепиться, так как не имел в этом регионе никакого смысла, будучи чем-то вроде «герцога» в Китае.

И, тем не менее, позиция ученого является достаточно проблематичной и вызывает вопросы (Галкина 2002: 36-37, 225):

— В.В. Седов не произвел сопоставление погребального обряда русов с каганом во главе, который описан в арабских источниках (захоронение по обряду ингумации в «могиле наподобие большого дома»), и волынцевской культуры (трупосожжение);

— Ученый не объяснил, почему на территории Русского каганата (если это волынцевская культура), вступившего в

борьбу с Хазарией, отсутствуют укрепленные поселения, что говорит о мирной жизни «волынцевцев». Более того – носители салтовской (хазарской по В.В. Седову) и волынцевской культур, судя по археологическим данным, достаточно активно общались, причем волынцевская культура находилась под серьезным влиянием более развитой салтовской.

– Трактруя находимые на юго-востоке Европы «варварские подражания» арабским дирхемам как монеты Русского каганата (Седов 1999: 75-76; 2002: 289-293), В.В. Седов за счет нумизматических находок существенно расширяет границы гипотетического Русского каганата на восток в сравнении с ареалом волынцевской культуры и размещает центр монетного производства вдали от основной территории культуры. В результате «монетный двор» волынцевской культуры оказывается фактически отрезан от ее центра вражескими (хазарскими) крепостями. Разумеется, такое было бы совершенно нереально.

По этим причинам согласиться с концепцией Русского каганата В.В. Седова мы не можем. Более перспективной, на наш взгляд, является позиция украинского археолога Д.Т. Березовца, отождествившего Русский каганат с салтово-маяцкой археологической культурой, а русов древнейших источников с ее носителями – североиранским этносом, родственным аланам (Березовец 1970). Ныне эта концепция нашла свое детальное обоснование и развитие в работах Е.С. Галкиной (Галкина 2002; 2006а: 385-441), причем по мнению исследовательницы, в состав Русского каганата входили и славяне-«волынцевцы», чем и объясняются их мирные и весьма тесные взаимоотношения с «салтовцами», фиксируемые по археологическим данным (Галкина 2002: 309-328; 2006а: 427-434).

На наш взгляд, на сегодняшний день именно концепция Русского каганата Березовца-Галкиной является наиболее обоснованной (Жих 2009), так как соответствует локализации русов в древнейших восточных источниках, объясняет последовательное противопоставление восточными авторами славян и русов как двух разных этносов и снимает остальные слабости построений В.В. Седова: описание арабскими авторами погребального обряда русов, которыми правит каган, в точности соответствует катакомбным погребениям салтовской

культуры; находит свое объяснение симбиоз «салтовцев» и «волынцевцев», между которыми, по всей видимости, существовал взаимовыгодный союз; находит свое объяснение расположению «монетного двора» Юго-Восточной Европы.

Ни славяне, ни хазары не испытывали потребности в чеканке монеты: первые жили натуральным хозяйством, вторые — транзитной торговлей. Совсем другое дело — общество салтовских алан с производящей экономикой. Прекрасно объясняется в рамках концепции Е.С. Галкиной и совпадение ареала волынцевской культуры с территорией *Русской земли* «в узком смысле»: «волынцевцы» входили в Русский каганат и усвоили наименование *русов*. После падения этого раннегосударственного образования, волынцевская элита, вероятно, считала себя его наследником. Именно волынцевская культура стала ретранслятором влияния Русского каганата в восточнославянский мир и связующим звеном между ним и Киевской Русью.

Таким образом, вторая гипотеза В.В. Седова об этнониме «именьковцев», в отличие от первой, представляется необоснованной.

При этом в данном случае В.В. Седов попытался найти подкрепления своего тезиса о том, что «именьковцы» назывались *русами*, в источниках, говорящих о Среднем Поволжье. Ученый обратил внимание на загадочное известие Лаврентьевской летописи, упоминающее под 6737 (1229) годом некую *Пургасову Русь*. В контексте рассказа о войнах русских князей с мордвой летописец говорит о *Руси Пургасовой* (по имени ее правителя Пургаса), бывшей союзницей мордвы (или представлявшей собой некую ее составную часть) (ПСРЛ. I: 451). Не смотря на значительную историографию (ее обзор см.: Фомин 2007), никакого удовлетворительного объяснения этого летописного пассажа по сей день нет.

Можно согласиться с Е.С. Галкиной, что «из текста летописи совершенно ясно, что “Пургасова Русь” к русским княжествам отношения не имела... Это какой-то этнос, носивший имя “русь”, но совершенно обособленный. Также очевидно, что читателям XIII века не нужно было пояснять, кто это такие» (Галкина 2002: 357-358). В.В. Седов сделал вывод, что *Русь Пургасова* — это потомки «именьковцев» (Седов 2001: 13). Е.С. Галкина осторожно предположила, что речь в летописи идет о

какой-то группе «салтовцев», ушедшей в результате венгерского нашествия в Поволжье (Галкина 2002: 357-358). В принципе, это возможно. Но можно предложить и другое объяснение. Учитывая, что названия целого ряда поволжских финно-угорских народов (мордва, буртасы и т.д.) имеют иранское происхождение, вполне допустимо предположение, что один из них мог от ираноязычных этносов получить и имя, звучавшее для его древнерусских соседей как *русь* (подобные названия были распространены в иранском мире: *роксоланы* – «светлые аланы», *росомоны* – «светлые мужи»).

Само имя *Пургас* вполне может быть интерпретировано как иранское «верховный ас». Сравним с именем поволжского народа *буртасы*, которое происходит от иранского *furt as* – «асы, живущие у большой реки». В этой связи любопытна гипотеза О.Б. Бубенка об иранском происхождении не только именно, но и всего народа буртасов, сыгравшего, по его мнению, определенную роль в этногенезе татар-мирашей и мордвы (Бубенок 1992). Именно в связке с последней идет в Лаврентьевской летописи *Пургасова Русь*, которая, в таком случае, вполне может оказаться каким-то реликтом поволжского ираноязычного населения.

Третья гипотеза об этнониме «именьковцев» состоит в том, что их, или какой-то их части, самоназвание звучало как *словене* (Галкина 2006: 380-382; 2006а: 339-345; Жих 2011: 121-126; 2011а: 26-27; 2013: 183-185). Здесь пришло время вернуться к упомянутому выше этнониму *С.л.виюн*, которым в письме царя Иосифа завершается список поволжских народов и после которого граница Хазарии поворачивает к Хорезму. Связь этого названия с общим названием всех славянофонных народов, бывшим также и непосредственным этнонимом ряда славянских «племен», несомненна. Но локализация его Иосифом настолько не укладывается в рамки традиционных представлений, что исследователи обычно просто игнорируют ее, понимая под *С.л.виюн* ту часть славян, «которая и согласно ПВЛ платила дань хазарам» (Новосельцев 1990: 157). Делать это можно только при полном отрыве от контекста источника, локализирующего данный народ в Среднем Поволжье.

Гораздо логичнее объяснение Е.С. Галкиной, предположившей на основе анализа своеобразия формы этого этнонима в письме Иосифа и сопоставления его с наименованием славян в

арабской традиции, что перед нами «эндоэтноним, непосредственно перенятый хазарами от одного из народов Поволжья» (Галкина 2006: 380; 2006а: 340). И таким народом могла быть только какая-то группа потомков именьковского населения, а сам этот эндоэтноним должен был звучать близко к форме *словене* (Жих 2011: 121-126; 2011а: 26-27; 2013: 183-185). Объяснений присутствию этого названия в X в. может быть несколько: оно могло быть связано с проживавшими в регионе потомками «именьковцев», могло сохраниться в качестве названия территории, на которой они некогда жили, могло относиться к какому-нибудь местному «племени», перенявшему название «именьковцев» и т.д. (см. обсуждение этого вопроса: Жих 2013: 183-186; Галкина 2014).

Подобные имена, производные от общего самоназвания всех славяноязычных народов (точнее, ставшего таковым на определенном этапе, а изначально относившегося лишь к части славофонов), были достаточно распространены в славянском мире: *словаки*, *словенцы*, *словене ильменские*, *словинцы-кашубы* на побережье Балтики, *славонцы* в хорватской Славонии (Иванов, Топоров 2000: 415). Преимущественно они закреплялись на его окраинах — там, где славяне жили в инокультурном окружении. Ситуация, при которой древнее самоназвание сохраняется преимущественно на окраинах расселения некоей этнической группы, в то время как в центральных ее частях оно постепенно утрачивается, типична. Вспомним, к примеру, карпатских русинов, сохранивших древнерусское название *русин*, отразившееся еще в договорах Руси с Византией, и относящееся в домонгольскую эпоху ко всему населению Киевской Руси (Суляк 2004: 9-10).

Другой яркий пример здесь, непосредственно относящийся к рассматриваемому вопросу, — это *словене* «ильменские», жившие в финском окружении. Ситуация с «именьковцами» была еще более показательна в этом плане — они жили полностью в инокультурном окружении и в полной изоляции от остальных праславянских групп, что привело к тому, что их культура значительно отличалась от других синхронных ей культур «славянского круга» (пражской, пеньковской, колочинской).

Когда возник этноним *словене* и к какой части славофонного населения он первоначально относился, точно не известно. По совокупности источников можно говорить о том, что в VI-VII вв.

он относился в первую очередь к населению пражской археологической культуры (Русанова 1976; Седов 1995: 7-39; 2002: 295-323; Гавритухин 2009: 18-21). Можно предположить, что возник он еще во времена, предшествовавшие миграции какой-то группы будущих «именьковцев» в Поволжье и охватывал ее наряду с предками «пражцев».

Г.И. Матвеева отметила ряд черт, сближающих «словенскую» пражскую и именьковскую культуры: «Нельзя не заметить общих черт погребального обряда именьковской и пражско-корчакской культур. Те же сравнительно небольшие размеры могильных ям, то же сожжение умерших на стороне, та же бедность погребального инвентаря... Особенно показательно отсутствие в именьковских погребениях этноопределяющих женских украшений, которые присутствуют почти в каждом женском захоронении балтов и финно-угров... Типично именьковских украшений вообще не существовало, как не было их у всех славянских племён вплоть до VIII века... Поселения именьковской культуры, как и все славянские, располагались группами – “гнездами”. Как и у племён пражско-корчакской культуры, основным типом жилищ у именьковцев были полуземлянки квадратной формы... Можно отметить черты именьковской керамики, общие с керамикой других славянских культур» (Матвеева 2004: 75-76).

Пражская культура, как показано в работах В.В. Седова и И.П. Русановой, имеет истоки в полиэтничной пшеворской общности, в рамках которой проживали германцы, славяне и кельты (Русанова 1976: 201-215; 1990; Седов 1994: 166-200; 2002: 97-125). Г.И. Матвеева обратила внимание на близость ряда элементов именьковской культуры с теми, которые были характерны для славянского населения пшеворской культуры: «О славянской принадлежности именьковских племён свидетельствует их погребальный обряд. Выше уже была отмечена его близость к обряду безурновых захоронений пшеворской культуры, которые В.В. Седов считает славянскими, в отличие от урновых, принадлежавших германцам. Совпадает топография могильников, форма, глубина и размеры могильных ям, размещение кальцинированных костей в могиле, наличие сосудов и их фрагментов в погребениях, бедность погребального инвентаря и его основные категории. Общим является обычай бросать

вещи в костёр и умышленно ломать их перед помещением в могилу» (Матвеева 2004: 75).

Подводя некоторые итоги размышлениям об этнонимии «именьковцев», можно сказать следующее: выводы о том, что какие-то группы именьковского населения именовались *словенами* и *северянами* являются вполне допустимыми. Дать какое-то иное убедительное объяснение упоминанию народа *С.л.виюн* в письме хазарского царя Иосифа, четко локализирующего его в Среднем Поволжье, едва ли возможно. Точно также иначе затруднительно объяснить упомянутый там же поволжский этноним *С.в.р*, который оказывается как бы «лишним» — сувары названы в том же перечне поволжских народов. Если верна гипотеза В.В. Седова о генетической связи именьковской и волынцевской культур, то можно говорить и о том, что именно с миграцией «именьковцев» связано появление этого этнонима, вытеснившего древнее местное имя *анты*, в регионе Днепровского Левобережья.

Библиография и примечания:

Абаев 1973 — *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л.: Наука, 1973. 450 с.

Авдусин 1980 — *Авдусин Д.А.* Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // Вопросы истории. 1980. № 12. С. 24-42.

Баран 1981 — *Баран В.Д.* Черняхівська культура (за матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу). Київ: Наукова думка, 1981. 263 с.

Баран 1983 — *Баран В.Д.* Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблема расселения славян // Славяне на Днестре и Дунае. Киев: Наукова думка, 1983. С. 5-48.

Баран 1988 — *Баран В.Д.* Пражская культура Поднестровья (по материалам поселения у с. Рашков). Киев: Наукова думка, 1988. 160 с.

Баран, Гопкало 2005 — *Баран В.Д., Гопкало О.В.* Черняхівські поселення басейну Гнилої Липи. Київ, 2005. 144 с.

Березовец 1970 – *Березовец Д.Т.* Про ім'я носіїв салтівської культури // *Археологія*. Т. XXIV. Київ, 1970. С. 59-74.

Богачев 2011 – *Богачев А.В.* Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в I тыс. н.э.: Историко-археологическое исследование. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 340 с.

Бубенок 1992 – *Бубенок О.Б.* Иранские традиции у народов Средней Волги // *Вопросы этнической истории Волго-Донья*. Пенза, 1992. С. 58-61.

Вязов 2011 – *Вязов Л.А.* Социально-экономическое развитие населения Среднего Поволжья в середине I тысячелетия н.э. (по материалам именьковской культуры). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Казань, 2011. 21 с.

Гавритухин 2009 – *Гавритухин И.О.* Понятие пражской культуры // *Труды Государственного Эрмитажа*. Т. 49. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. С. 7-25.

Гавритухин, Обломский 1996 – *Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. 296 с.

Галкина 2002 – *Галкина Е.С.* Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002. 428 с.

Галкина 2006 – *Галкина Е.С.* Данники Хазарского каганата в письме царя Иосифа // *Сборник Русского исторического общества*. Том 10 (158). Россия и Крым. М.: Русская панорама, 2006. С. 376-390.

Галкина 2006а – *Галкина Е.С.* Номады Восточной Европы: этносы, социум, власть (I тыс. н.э.). М.: Прометей, 2006а. 548 с.

Галкина 2014 – *Галкина Е.С.* К интерпретации термина *сакалиба* в отчёте Ибн Фадлана // *Восток (Oriens)*. 2014. № 6. С. 24-31.

Гаркави 1870 – *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. 308 с.

Жих 2009 – *Жих М.И.* Древняя Русь и ее степные соседи: К проблеме Русского каганата // Международный исторический журнал «Русин». 2009. № 3 (17). С. 147-157.

Жих 2011 – *Жих М.И.* К вопросу об отражении проживания славян в Среднем Поволжье в I тыс. н.э. в письменных источниках // Труды Первой Международной конференции «Начала Русского мира». СПб.: БЛИЦ, 2011. С. 121-138.

Жих 2011а – *Жих М.И.* Ранние славяне в Среднем Поволжье (по материалам письменных источников). СПб.; Казань: Вестфалика, 2011а. 90 с.

Жих 2013 – *Жих М.И.* Арабская традиция об ас-сакалиба в Среднем Поволжье и именьковская культура: проблема соотношения // Страны и народы Востока. Вып. XXXIV. М.: Восточная литература, 2013. С. 165-186.

Иванов, Топоров 2000 – *Иванов В.В., Топоров В.Н.* О древних славянских этнонимах. Основные проблемы и перспективы // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 413-440.

Кляшторный 1964 – *Кляшторный С.Г.* Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. I. М.: Наука, 1964. С. 16-18.

Кляшторный 2005 – *Кляшторный С.Г.* Праславяне в Поволжье // Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 68-72.

Кляшторный, Старостин 2002 – *Кляшторный С.Г., Старостин П.Н.* Праславянские племена в Поволжье // История татар с древнейших времен. Том I. Народы степной Евразии в древности. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АНТ, 2002. С. 210-217.

Козак 2008 – *Козак Д.Н.* Венеди. Київ: Ин-т археологии НАНУ, 2008. 470 с.

Коковцов 1932 – *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л.: Издательство АН СССР, 1932. 140 с.

Кучкин 1995 – *Кучкин В.А.* «Русская земля» по летописным данным XI – первой трети XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992-1993 годы. М.: Наука, 1995. С. 74-100.

Майоров 2006 – *Майоров А.В.* Великая Хорватия: Этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. 209 с.

Матвеева 1981 – *Матвеева Г.И.* О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.

Матвеева 1986 – *Матвеева Г.И.* Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тыс. н.э. // Культуры Восточной Европы I тыс. Куйбышев, 1986. С. 158-171.

Матвеева 1988 – *Матвеева Г.И.* К вопросу об этнической принадлежности племен именьковской культуры // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма (сборник тезисов). М.: Наука, 1988. С. 11-13.

Матвеева 1997 – *Матвеева Г.И.* Некоторые итоги изучения именьковской культуры // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. III. М.: Фонд археологии, 1997. С. 206-217.

Матвеева 2004 – *Матвеева Г.И.* Среднее Поволжье в IV-VII вв.: именьковская культура. Самара: Самарский университет, 2004. 168 с.

Моця 1987 – *Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья IX-XIII вв. Киев: Наукова думка, 1987. 168 с.

Насонов 1951 – *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.: Издательство АН СССР, 1951. 262 с.

Непокупный 1979 – *Непокупный А.П.* Балтійські родичи слов'ян. Київ: Наукова думка, 1979. 184 с.

Новосельцев 1990 — *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 264 с.

Обломский, Родникова 2014 — *Обломский А.М., Родникова В.Е.* Этнокультурный перелом в Поднепровье в VII в. н.э. Хронология событий // Краткие сообщения Института археологии. 2014. Вып. 235. С. 381-404.

Приходнюк 1998 — *Приходнюк О.М.* Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования). Воронеж: Воронежский университет, 1998. 170 с.

ПСРЛ. I — Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1997. 496 с.

ПСРЛ. II — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1998. 648 с.

Раппопорт 1975 — *Раппопорт П.А.* Древнерусское жилище. Л.: Наука, 1975. 180 с.

Русанова 1976 — *Русанова И.П.* Славянские древности VI-VII вв. Культура пражского типа. М.: Наука, 1976. 216 с.

Русанова 1990 — *Русанова И.П.* Этнический состав носителей пшеворской культуры // Раннеславянский мир: Материалы и исследования. Вып. 1. М., 1990. С. 119-150.

Рыбаков 1953 — *Рыбаков Б.А.* Древние русы (К вопросу об образовании ядра русской народности) // Советская археология. Т. XVII. М.: Издательство АН СССР, 1953. С. 23-104.

Рыбаков 1974 — *Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии XV-начала XVI века. М.: Наука, 1974. 112 с.

Рыбаков 1982 — *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.: Наука, 1982. 590 с.

Седов 1994 — *Седов В.В.* Славяне в древности. М.: Фонд археологии, 1994. 343 с.

Седов 1994а — *Седов В.В.* Очерки по археологии славян. М.: Фонд археологии, 1994а. 128 с.

Седов 1995 – *Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. М.: Фонд археологии, 1995. 416 с.

Седов 1998 – *Седов В.В.* Русский каганат IX в. // Отечественная история. 1998. № 4. С. 3-15.

Седов 1999 – *Седов В.В.* Древнерусская народность. М.: Языки русской культуры, 1999. 312 с.

Седов 2001 – *Седов В.В.* К этногенезу волжских болгар // Российская археология. 2001. № 2. С. 5-15.

Седов 2002 – *Седов В.В.* Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 2002. 622 с.

Славяне 1993 – Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. М.: Наука, 1993. 328 с.

Смирнов 1962 – *Смирнов А.П.* Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар // Историко-археологический сборник. М.: Издательство МГУ, 1962. С. 160-168.

Старостин 1967 – *Старостин П.Н.* Памятники именьковской культуры. М.: Наука, 1967. 99 с.

Старостин 1986 – *Старостин П.Н.* Именьковские могильники // Культуры Восточной Европы I тыс. Куйбышев, 1986. С. 131-136.

Сташенков 2005 – *Сташенков Д.А.* Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I-IV веках н.э. М., 2005. 150 с.

Сташенков 2006 – *Сташенков Д.А.* Об этнокультурных связях населения именьковской культуры // Славяноведение. 2006. № 2. С. 20-30.

Суляк 2004 – *Суляк С.Г.* Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев: Издательский дом «Татьяна», 2004. 240 с.

Сухобоков 1975 — Сухобоков О.В. Славяне Днепроvского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев: Наукова думка, 1975. 167 с.

Сухобоков 1992 — Сухобоков О.В. Днепроvское лесостепное Левобережье в VIII-XIII вв. Киев: Наукова думка, 1992. 216 с.

Тихомиров 1979 — Тихомиров М.Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. С. 22-48.

Топоров, Трубачев 1962 — Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Издательство АН СССР, 1962. 270 с.

Третьяков 1982 — Третьяков П.Н. По следам древних славянских племен. Л.: Наука, 1982. 144 с.

Трубачев 1993 — Трубачев О.Н. К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М.: Международный фонд славянской письменности и культуры, 1993. 68 с.

Трубачев 2002 — Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М.: Наука, 2002. 495 с.

Фасмер 1971 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М.: Прогресс, 1971. 827 с.

Фомин 2007 — Фомин В.В. Пургасова Русь // Вопросы истории. 2007. № 9. С. 3-17.

Юренко 1985 — Юренко С.П. Волынцевская культура // Этнокультурная карта Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев: Наукова думка, 1985. С. 116-125.

Яйленко 1986 — Яйленко В.П. Этимологическое различие этнонимов балканских и приднепровских славян-северов // Балканы в контексте Средиземноморья. М., 1986. С. 112-114.

Goṭaḅ 1984 — Goṭaḅ Z. Old Bulgarian Sěver (?) and Old Russian Sěverjane // Wiener slavistisches Jahrbuch 30. 1984.

References

Abaev 1973 – *Abaev V.I.* Istoriko-jetimologicheskij slovar' osetinskogo jazyka. T. II [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language. Volume II], Leningrad, Nauka Publ., 1973, 450 p. [in Russian].

Avdusin 1980 – *Avdusin D.A.* Proishozhdenie drevnerusskikh gorodov (po arheologicheskim dannym) [Origin of the Old Russian cities (according to archaeological data)], in: Voprosy istorii [History questions], 1980, № 12, pp. 24-42 [in Russian].

Baran 1981 – *Baran V.D.* Chernjahivska kul'tura (za materialami Verhn'ogo Dnistra ta Zahidnogo Bugu) [Chernyakhovsk culture (on materials of the Top Dniester and the Western Bug)], Kiev, Naukova dumka Publ., 1981, 263 p. [in Ukrainian].

Baran 1983 – *Baran V.D.* Slozhenie slavjanskoj rannesrednevekovoj kul'tury i problema rasselenija slavjan [Addition of Slavic early medieval culture and problem of moving of Slavs], in: Slavjane na Dnestre i Dunae [Slavs on Dniester and Danube], Kiev, Naukova dumka Publ., 1983, pp. 5-48 [in Russian].

Baran 1988 – *Baran V.D.* Prazhskaja kul'tura Podnestrov'ja (po materialam poselenija u s. Rashkov) [The Prague culture of Podnestrovyja (on settlement materials at the village of Rashkov)], Kiev, Naukova dumka Publ., 1988, 160 p. [in Russian].

Baran, Gopkalo 2005 – *Baran V.D., Gopkalo O.V.* Chernjahivs'ki poselennja bassejnu Gniloï Lipi [Chernyakhovsk settlements of the pool of the Rotten Linden], Kiev, 2005, 144 p. [in Ukrainian].

Berezovec 1970 – *Berezovec D.T.* Pro im'ja nosiiv saltiv'skoi kul'turi [About a name of carriers of saltovsky culture], in: Arheologija. T. XXIV [Archeology. Volume XXIV], Kiev, 1970, pp. 59-74 [in Ukrainian].

Bogachev 2011 – *Bogachev A.V.* Slavjane, germancy, gunny, bolgary na Srednej Volge v I tys. n.je.: Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs, Germans, Huns, Bulgarians on Central Volga in I thousand AD: Historical and archaeological research], LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011, 340 p. [in Russian].

Bubenok 1992 – *Bubenok O.B.* Iranske tradicii u narodov Srednej Volgi [The Iranian traditions at the people of Central Volga], in: Voprosy jetnicheskoj istorii Volgo-Don'ja [Questions of ethnic history Volga-bottoms], Penza, 1992, pp. 58-61 [in Russian].

Fasmer 1971 – *Fasmer M.* Jetimologičeskij slovar' ruskogo jazyka. T. III [Etymological dictionary of Russian. Volume III], Moscow, Progress Publ., 1971, 827 p. [in Russian].

Fomin 2007 – *Fomin V.V.* Purgasova Rus' [Purgasova Russia], in: Voprosy istorii [History questions], 2007, № 9, pp. 3-17 [in Russian].

Galkina 2002 – *Galkina E.S.* Tajny Russkogo kaganata [Secrets of the Russian khaganate], Moscow, Veche Publ., 2002, 428 p. [in Russian].

Galkina 2006 – *Galkina E.S.* Danniki Hazarskogo kaganata v pis'me carja Iosifa [Tributaries of the Hazaria khaganate in the letter of the tsar Josef], in: Sbornik Russkogo istoričeskogo obshhestva. Tom 10 (158). Rossija i Krym [Collection of the Russian historical society. Volume 10 (158). Russia and Crimea], Moscow, Russkaja panorama Publ., 2006, pp. 376-390 [in Russian].

Galkina 2006a – *Galkina E.S.* Nomady Vostočnoj Evropy: jetnosy, socium, vlast' (I tys. n.je.) [Nomada of Eastern Europe: ethnos, society, power (I thousand AD)], Moscow, Prometej Publ., 2006a, 548 p. [in Russian].

Galkina 2014 – *Galkina E.S.* K interpretacii termina sakaliba v otchjote Ibn Fadlana [To interpretation of the term of a sakalib in Ibn Fadlan's report], in: Vostok (Oriens) [East], 2014, № 6, pp. 24-31 [in Russian].

Garkavi 1870 – *Garkavi A.Ja.* Skazanija musul'manskih pisatelej o slavjanah i ruskich [Legends of Muslim writers on Slavs and Russians], St. Petersburg, 1870, 308 p. [in Russian].

Gavrituhin 2009 – *Gavrituhin I.O.* Ponjatie prazhskoj kul'tury [Concept of the Prague culture], in: Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha. T. 49 [Works of the State Hermitage. Volume 49], St. Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Jermitazha Publ., 2009, pp. 7-25 [in Russian].

Gavrituhin, Oblomskij 1996 – *Gavrituhin I.O., Oblomskij A.M.* Gaponovskij klad i ego kul'turno-istoricheskij kontekst [Gaponovsky treasure and its cultural and historical context], Moscow, 1996, 296 p. [in Russian].

Gołab 1984 – *Gołab Z.* Old Bulgarian Sěver (?) and Old Russian Sěverjane, in: Wiener slavistisches Jahrbuch 30, 1984 [in English].

Ivanov, Toporov 2000 – *Ivanov V.V., Toporov V.N.* O drevnih slavjanskih jetnonimah. Osnovnye problemy i perspektivy [About ancient Slavic ethnonyms. Main problems and prospects], in: Iz istorii ruskoj kul'tury. T. 1 (Drevnjaja Rus') [From history of the Russian culture. Volume 1 (Ancient Russia)], Moscow, Jazyki ruskoj kul'tury Publ., 2000, pp. 413-440 [in Russian].

Jajlenko 1986 – *Jajlenko V.P.* Jetimologicheskoe razlichie jetnonimov balkanskih i pridneprovskih slavjan-severov [Etymological distinction of ethnonyms of the Balkan and Dnieper Slavic North], in: Balkany v kontekste Sredizemnomor'ja [The Balkans in the context of the Mediterranean], Moscow, 1986, pp. 112-114 [in Russian].

Jurenko 1985 – *Jurenko S.P.* Volyncevskaia kul'tura [Volyntsevsky culture], in: Jetnokul'turnaja karta Ukrainskoj SSR v I tys. n.je. [The ethnocultural card Ukrainian the Soviet Socialist Republic in the I millennium AD], Kiev, Naukova dumka Publ., 1985, pp. 116-125 [in Russian].

Kljashtornyj 1964 – *Kljashtornyj S.G.* Drevnejshee upominanie slavjan v Nizhnem Povolzh'e [The most ancient mention of Slavs in Lower Volga area], in: Vostochnye istochniki po istorii narodov Jugo-Vostochnoj i Central'noj Evropy. T. I [East sources on stories of the people of Southeast and Central Europe. Volume I], Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 16-18 [in Russian].

Kljashtornyj 2005 – *Kljashtornyj S.G.* Praslavjane v Povolzh'e [To Praslavyana in the Volga region], in: Kljashtornyj S.G., Savinov D.G. Stepnye imperii drevnej Evrazii [Steppe empires of ancient Eurasia], St. Petersburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU Publ., 2005, pp. 68-72 [in Russian].

Kljashtornyj, Starostin 2002 – *Kljashtornyj S.G., Starostin P.N.* Praslavjanskije plemena v Povolzh'e [Praslavyansky tribes in the Volga region], in: Istorija tatar s drevnejshih vremen. Tom I.

Narody stepnoj Evrazii v drevnosti [History of Tatars since the most ancient times. Volume I. People of steppe Eurasia in the ancient time], Kazan, Institut istorii im. Sh. Mardzhani ANT Publ., 2002, pp. 210-217 [in Russian].

Kokovcov 1932 – *Kokovcov P.K.* Evrejsko-hazarskaja perepiska v X v. [Jewish-Hazaria correspondence in the X century], Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1932, 140 p. [in Russian].

Kozak 2008 – *Kozak D.N.* Venedi [Venedi], Kiev, In-t arheologii NANU Publ., 2008, 470 p. [in Ukrainian].

Kuchkin 1995 – *Kuchkin V.A.* «Russkaja zemlja» po letopisnym dannym XI – pervoj treti XIII v. [«Russian land» according to annalistic data of XI – the first third of the XIII century], in: Drevnejšie gosudarstva Vostočnoj Evropy. 1992-1993 gody [The most ancient states of Eastern Europe. 1992-1993], Moscow, Nauka Publ., 1995, pp. 74-100 [in Russian].

Majorov 2006 – *Majorov A.V.* Velikaja Horvatija: Jetnogenez i rannjaja istorija slavjan Prikarpatskogo regiona [Great Croatia: Ethnogenesis and early history of Slavs of the Carpathian region], St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2006, 209 p. [in Russian].

Matveeva 1981 – *Matveeva G.I.* O proishozhdenii imen'kovskoj kul'tury [About an origin of imenkovsky culture], in: Drevnie i srednevekovye kul'tury Povolzh'ja [Ancient and medieval cultures of the Volga region], Kujbyshev, 1981 [in Russian].

Matveeva 1986 – *Matveeva G.I.* Jetnokul'turnye processy v Srednem Povolzh'e v I tys. n.je. [Ethnocultural processes on average the Volga region in I thousand AD], in: Kul'tury Vostočnoj Evropy I tys. [Cultures of the I millennium of Eastern Europe], Kujbyshev, 1986, pp. 158-171 [in Russian].

Matveeva 1988 – *Matveeva G.I.* K voprosu ob jetnicheskoj prinadlezhnosti plemen imen'kovskoj kul'tury [To a question of an ethnic origin of tribes of imenkovsky culture], in: Slavjane i ih sosedi. Mesto vzaimnyh vlijanij v processe obshhestvennogo i kul'turnogo razvitija. Jepoha feodalizma (sbornik tezisov) [Slavs and their neighbors. A place of mutual influences in the course of social and cultural development. Feudalism era (collection of theses)], Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 11-13 [in Russian].

Matveeva 1997 – *Matveeva G.I.* Nekotorye itogi izuchenija imen'kovskoj kul'tury [Some results of studying of imenkovsky culture], in: Jetnogenez i jetnokul'turnye kontakty slavjan. Trudy VI Mezhdunarodnogo kongressa slavjanskoj arheologii. T. III [Ethnogenesis and ethnocultural contacts of Slavs. Works VI of the International congress of Slavic archeology. Volume III], Moscow, Fond arheologii Publ., 1997, pp. 206-217 [in Russian].

Matveeva 2004 – *Matveeva G.I.* Srednee Povolzh'e v IV-VII vv.: imen'kovskaja kul'tura [Central Volga area in the IV-VII centuries: imenkovsky culture], Samara, Samarskij universitet Publ., 2004, 168 p. [in Russian].

Mocja 1987 – *Mocja A.P.* Naselenie Srednego Podneprov'ja IX-XIII vv. [Population Srednego Podneprovya of the IX-XIII centuries], Kiev, Naukova dumka Publ., 1987, 168 p. [in Russian].

Nasonov 1951 – *Nasonov A.N.* «Russkaja zemlja» i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva [«Russian land» and formation of the territory of the Old Russian state], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1951, 262 p. [in Russian].

Nepokupnyj 1979 – *Nepokupnyj A.P.* Baltijski rodichi slov'jan [Baltic relatives of Slavs], Kiev, Naukova dumka Publ., 1979, 184 p. [in Ukrainian].

Novosel'cev 1990 – *Novosel'cev A.P.* Hazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostočnoj Evropy i Kavkaza [The Hazaria state and its role in the history of Eastern Europe and the Caucasus], Moscow, Nauka Publ., 1990, 264 p. [in Russian].

Oblomskij, Rodnikova 2014 – *Oblomskij A.M., Rodnikova V.E.* Jetnokul'turnyj perelom v Podneprov'e v VII v. n.je. Hronologija sobytij [Ethnocultural change in Podneprovye in the VII century AD. Chronology of events], in: Kratkie soobshhenija Instituta arheologii. 2014. Vyp. 235 [Short messages of Institute of archeology. 2014. Release 235], pp. 381-404 [in Russian].

Prihodnjuk 1998 – *Prihodnjuk O.M.* Pen'kovskaja kul'tura (Kul'turno-arheologičeskij aspekt issledovanija) [Penkovsky culture (Cultural and archaeological aspect of research)], Voronezh, Voronezhskij universitet Publ., 1998, 170 p. [in Russian].

PSRL. I – Polnoe sobranie russkih letopisej. T. I. Lavrent'evskaja letopis' [Complete collection of the

PSRL. II – Polnoe sobranie russkih letopisej. T. II. Ipat'evskaja letopis' [Complete collection of the

Rappoport 1975 – *Rappoport P.A.* Drevnerusskoe zhilishhe [Old Russian dwelling], Leningrad, Nauka Publ., 1975, 180 p. [in Russian].

Rusanova 1976 – *Rusanova I.P.* Slavjanskie drevnosti VI-VII vv. Kul'tura prazhskogo tipa [Slavic antiquities of the VI-VII centuries. Culture of the Prague type], Moscow, Nauka Publ., 1976, 216 p. [in Russian].

Rusanova 1990 – *Rusanova I.P.* Jetniceskij sostav nositelej pshevorskoj kul'tury [Ethnic structure of carriers of pshevorsky culture], in: Ranneslavjanskij mir: Materialy i issledovanija. Vyp. 1 [Early Slavic world: Materials and researches. Release 1], Moscow, 1990, pp. 119-150 [in Russian].

Russian chronicles. T. I. Lavrentyevsky chronicle], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 1997, 496 p. [in Russian].

Russian chronicles. T. II. Ipatyevsky chronicle], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 1998, 648 p. [in Russian].

Rybakov 1953 – *Rybakov B.A.* Drevnie rusy (K voprosu ob obrazovanii jadra russkoj narodnosti) [Ancient rus (To a question of formation of a kernel of the Russian nationality)], in: Sovetskaja arheologija. T. XVII [Soviet archeology. Volume XVII], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 1953, pp. 23-104 [in Russian].

Rybakov 1974 – *Rybakov B.A.* Russkie karty Moskovii XV- nachala XVI veka [Russian XV-cards of Moskovia beginnings of the XVI century], Moscow, Nauka Publ., 1974, 112 p. [in Russian].

Rybakov 1982 – *Rybakov B.A.* Kievskaja Rus' i russkie knjazhestva XII-XIII vv. [Kievan Rus' and Russian principalities of the XII-XIII centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, 590 p. [in Russian].

Sedov 1994 – *Sedov V.V.* Slavjane v drevnosti [Slavs in the ancient time], Moscow, Fond arheologii Publ., 1994, 343 p. [in Russian].

Sedov 1994a — *Sedov V.V.* Oчерки po археологии славян [Sketches on archeology of Slavs], Moscow, Fond археологии Publ., 1994a, 128 p. [in Russian].

Sedov 1995 — *Sedov V.V.* Славяне в раннем средневековье [Slavs in the early Middle Ages], Moscow, Fond археологии Publ., 1995, 416 p. [in Russian].

Sedov 1998 — *Sedov V.V.* Русский каганат IX в. [Russian khaganate of the IX century], in: Oтечественная история [National history], 1998, № 4, pp. 3-15 [in Russian].

Sedov 1999 — *Sedov V.V.* Древнерусская народность [Old Russian nationality], Moscow, Языки русской культуры Publ., 1999, 312 p. [in Russian].

Sedov 2001 — *Sedov V.V.* К этногенезу волжских болгар [To ethnogenesis of the Volga Bulgarians], in: Российская археология [Russian archeology], 2001, № 2, pp. 5-15 [in Russian].

Sedov 2002 — *Sedov V.V.* Славяне. Историко-археологическое исследование [Slavs. Historical and archaeological research], Moscow, Языки русской культуры Publ., 2002, 622 p. [in Russian].

Славяне 1993 — Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.е. — первой половине I тысячелетия н.е. [Slavs and their neighbors at the end of the I millennium BC — the first half of the I millennium AD], Moscow, Nauka Publ., 1993, 328 p. [in Russian].

Smirnov 1962 — *Smirnov A.P.* Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар [Some controversial issues of history of the Volga Bulgarians], in: Историко-археологический сборник [Historical and archaeological collection], Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1962, pp. 160-168 [in Russian].

Starostin 1967 — *Starostin P.N.* Памятники именковской культуры [Monuments of imenkovsky culture], Moscow, Nauka Publ., 1967, 99 p. [in Russian].

Starostin 1986 — *Starostin P.N.* Именковские могилники [Imenkovsky burial grounds], in: Культуры Восточной Европы I тыс. [Cultures of the I millennium of Eastern Europe], Kujbyshev, 1986, pp. 131-136 [in Russian].

Stashenkov 2005 – *Stashenkov D.A.* Osedloe naselenie Samarskogo lesostepnogo Povolzh'ja v I-IV vekah n.je. [Settled population of the Samara forest-steppe Volga region in the I-IV centuries AD], Moscow, 2005, 150 p. [in Russian].

Stashenkov 2006 – *Stashenkov D.A.* Ob jetnokul'turnyh svjazjah naselenija imen'kovskoj kul'tury [About ethnocultural ties of the population of imenkovsky culture], in: Slavjanovedenie [Slavic studies], 2006, № 2, pp. 20-30 [in Russian].

Suhobokov 1975 – *Suhobokov O.V.* Slavjane Dneprovskogo Levoberezh'ja (romenskaja kul'tura i ee predshestvenniki) [Slavs of the Dneprovsky Left bank (romensky culture and its predecessors)], Kiev, Naukova dumka Publ., 1975, 167 p. [in Russian].

Suhobokov 1992 – *Suhobokov O.V.* Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e v VIII-XIII vv. [Dneprovsky forest-steppe Left bank in the VIII-XIII centuries], Kiev, Naukova dumka Publ., 1992, 216 p. [in Russian].

Suljak 2004 – *Suljak S.G.* Oskolki Svjatoj Rusi. Ocherki jetnicheskoj istorii rusnakov Moldavii [Splinters of Sacred Russia. Sketches of ethnic history of rusnak of Moldova], Kishinev, Izdatel'skij dom «Tat'jana» Publ., 2004, 240 p. [in Russian].

Tihomirov 1979 – *Tihomirov M.N.* Proishozhdenie nazvanij «Rus'» i «Russkaja zemlja» [Origin of the names «Russia» and «Russian land»], in: Tihomirov M.N. Russkoe letopisanie [Russian annals], Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 22-48 [in Russian].

Toporov, Trubachev 1962 – *Toporov V.N., Trubachev O.N.* Lingvisticheskiy analiz gidronimov Verhnego Podneprov'ja [Linguistic analysis of gidronim of Top Podneprovya], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1962, 270 p. [in Russian].

Tret'jakov 1982 – *Tret'jakov P.N.* Po sledam drevnih slavjanskih plemen [In the wake of ancient Slavic tribes], Leningrad, Nauka Publ., 1982, 144 p. [in Russian].

Trubachev 1993 – *Trubachev O.N.* K istokam Rusi (nabljudenija lingvista) [To sources of Russia (supervision of the linguist)], Moscow, Mezhdunarodnyj fond slavjanskoj pis'mennosti i kul'tury Publ., 1993, 68 p. [in Russian].

Trubachev 2002 – *Trubachev O.N.* Jetnogenez i kul'tura drevnejshih slavjan. Lingvisticheskie issledovanija [Ethnogenesis and culture of the most ancient Slavs. Linguistic researches], Moscow, Nauka Publ., 2002, 495 p. [in Russian].

Vjazov 2011 – *Vjazov L.A.* Social'no-jekonomicheskoe razvitie naselenija Srednego Povolzh'ja v seredine I tysjacheletija n.je. (po materialam imen'kovskoj kul'tury). Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Social and economic development of the population of Central Volga area in the middle of the I millennium AD (on materials of imenkovsky culture). The abstract of the thesis on competition of an academic degree of the candidate of historical sciences], Kazan, 2011, 21 p. [in Russian].

Zhih 2009 – *Zhih M.I.* Drevnjaja Rus' i ee stepnye sosedi: K probleme Russkogo kaganata [Ancient Russia and its steppe neighbors: To a problem of the Russian khaganate], in: Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal «Rusin» [International historical magazine «Rusin»], 2009, № 3 (17), pp. 147-157 [in Russian].

Zhih 2011 – *Zhih M.I.* K voprosu ob otrazhenii prozhivanija slavjan v Srednem Povolzh'e v I tys. n.je. v pis'mennyh istochnikah [To a question of reflection of accommodation of Slavs on average the Volga region in I thousand AD in written sources], in: Trudy Pervoj Mezhdunarodnoj konferencii «Nachala Russkogo mira» [Works of the First International conference «Beginnings of the Russian World»], St. Petersburg, BLIC Publ., 2011, pp. 121-138 [in Russian].

Zhih 2011a – *Zhih M.I.* Rannie slavjane v Srednem Povolzh'e (po materialam pis'mennyh istochnikov) [Early Slavs on average the Volga region (on materials of written sources)], St. Petersburg; Kazan, Vestfalika Publ., 2011a, 90 p. [in Russian].

Zhih 2013 – *Zhih M.I.* Arabskaja tradicija ob as-sakaliba v Srednem Povolzh'e i imen'kovskaja kul'tura: problema sootnoshenija [The Arab tradition about the expert-sakaliba on average the Volga region and imenkovsky culture: ratio problem], in: Strany i narody Vostoka. Vyp. XXXIV [Countries and people of the East. Release XXXIV], Moscow, Vostochnaja literatura Publ., 2013, pp. 165-186 [in Russian].

Scopus Author ID: 55358941500

Researcher ID: F-3154-2014

orcid.org/0000-0003-2212-6416

SPIN-код: 6149-3974

